

3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Выд. 2-е. Мінск, 1999.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мінск, 1977–1984.

ПОЭТИКА АКСЕССУАРА В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА

А. А. Дудко

В начале становления человеческого общества, в эпоху язычества появляются тотемы и обереги, которые позже превратятся в медальоны и броши. В ходе развития они наделяются эстетическими, демонстрационными (т.е. свидетельствуют о статусе владельца), сюжетообразующими и религиозными функциями. Самой важной константой, определяющей их существование, остается духовная связь между человеком и вещью, т.е. то значение, которым каждый из нас наделяет аксессуар. Благодаря этому явлению, кольцо нашей прабабушки, передающееся в семье по женской линии из поколения в поколение, может приносить удачу, быть хранителем семейного счастья, привлекать женихов или наоборот – обречь на несчастье и смерть всякого, кому выпало им обладать. Таким образом, первичная функция аксессуара оказывается его главной задачей: он призван связывать духовный мир с земным, судьбу с реализациями, а мечту с возможностями.

Определяя границы понятия «аксессуар», необходимо отметить высокую степень изменчивости его трактовки. Так, например, раньше никто не мог представить себе, что женщина сможет надеть на голову современную вязаную шапку с помпоном. Однако ни одна уважающая себя дама не была способна пройти мимо магазина шляп, где декорировала понравившийся ей головной убор вуалеткой, шелковым бантом, чучелом райской птицы, фальшивыми фруктами и другими плодами безграничной фантазии наживающегося шляпника. На этом основании мы можем утверждать, что «чучело райской птицы» было аксессуаром в то время, но никак не сейчас. Благодаря этому возникает возможность проследить значение подобных вещей в диахронии. В то же время аксессуары способны выступать и в функции «ярлыка достатка». Более того, всегда есть вероятность, что золотой браслет или серебряные сережки с бирюзой перешли к нам от бабушки, а вот по фасону и состоянию кожаного клатча мы всегда сумеем определить примерное число владельцев данного предмета и толщину их кошелька.

Обобщая вышесказанное, к группе аксессуаров мы можем причислить как шейный платок, шаль, перчатки, клатч, так и пуговицы и вставки из атласных лент. В общем, все то, что призвано декорировать и дополнять наш образ, наделяя его оттенками смысла. Следовательно, ак-

сессуарами мы можем назвать те элементы образа, что принимают на себя функцию цветных карандашей, использованных в детской раскраске.

Одним из самых символических аксессуаров во всей литературе является кольцо. Перерабатывая опыт предшественников, В. В. Набоков развивает этот концепт, вводя аксессуар в произведение не только в качестве художественной детали, но и меняя под стать ей весь текст на уровне структуры. Хотя, например, композиция в рассказе «Весна в Фиальте» не очевидна, т.е. не оформлена в соответствии с классическим пониманием кольцевой композиции. В произведении В. В. Набокова ее структурными частями выступают сами аксессуары, которые, как крошки в известной детской сказке, выводят читателя из леса непонимания.

Первой художественной деталью, несущей на себе композиционную нагрузку, становится ожерелье. Это происходит благодаря фигуре маленькой девочки «с тяжелым ожерельем вокруг смуглой шеи» [2], с которой читатель знакомится в начале произведения и которую вновь видит ближе к его концу. Ожерелье, само по себе имеющее форму кольца, обрамляет рассказ В. В. Набокова «Весна в Фиальте», позволяя нам увидеть в этом структуру кольцевой композиции. В то же время писатель демонстрирует читателю что «она (Нина. – *А. Д.*) на мгновение осталась стоять, полуобернувшись, натянув тень на шее, обвязанной лимонно-желтым шарфом». Значимым для замысла рассказа оказывается местоположение этих художественных деталей. И шарф, и ожерелье кольцом обрамляют одну из самых хрупких частей человеческого тела – шею. Подобная «случайность», на наш взгляд, крайне симптоматична для произведений В. В. Набокова. Не менее оригинален выбор писателем юбки для маленькой девочки («длинная, как у цыганки»). Этот выбор становится понятен лишь при встрече с Ниной, которую автор представил читателю в «узкой рыжей юбке с разрезом вдоль голени». В. В. Набоков проводит параллель между двумя женскими персонажами, что демонстрируется читателю посредством включения в их образ символических аксессуаров. Не останавливаясь на этом, писатель вводит в текст рассказа еще одну художественную деталь: «немного дальше, около фонтана, он (*Фердинанд. – А. Д.*) подарил свой медленный леденец туземной девчонке с ожерельем». Таким образом, кольцо между девочкой и женщиной замыкается недоеденным леденцом мужа последней, что, на наш взгляд, является одной из ключевых деталей для понимания идеи всего рассказа, указывающей на несовершенство природы человека. Писатель, оправдывая поведение Нины, третирует общество, в котором является нормой подобное поведение взрослого мужчины по отношению к девочке, что демонстрируется благодаря включению в текст аксессуара.

Отдельную ветвь в поэтике аксессуаров у В. В. Набокова представляет поэтика драгоценных камней. Следует отметить широкое разнообразие драгоценных и полудрагоценных минералов, использованных писателем. Некоторые из них кочуют по страницам произведений В. В. Набокова, а иные встречаются лишь раз. Однако значимость их посылка от частотности не зависит и при этом крайне важна для понимания как частных смыслов набоковских произведений, так и его творчества в целом.

Одним из наиболее частотно употребляемых в текстах В. В. Набокова камнем является жемчуг. Среди мотивов, передаваемых посредством введения в текст этого драгоценного минерала, наиболее ярким является мотив связи с Родиной. Так, в автобиографической книге «Другие берега» жемчуг олицетворяет остатки былого величия земли предков: «Цыганов заявил, что крымская природа ему надоела, и отправился тем же способом на север, с большим мешком за плечами, набитым различными предметами... Любопытно, что сразу разгадав секрет туалетного талька, он уговорил мать перевести эти кольца и жемчуга в более классическое место и сам вырыл для них в саду яму, где они оказались в полной сохранности после его отъезда» [3]. Очевидно, что герою легче доверить свои сокровища родной земле, нежели позволить им переправиться на чужбину, хотя перспективы его возвращения на Родину и, следовательно, к зарытому жемчугу крайне туманны. Здесь В. В. Набоков демонстрирует нам всю меру упадничества, которая контрастирует с пошлостью сияния жемчуга.

Еще одним симптоматичным для В. В. Набокова камнем оказывается рубин. Он чаще всего является предвестником мотива несчастной любви или человеческой страсти: «„Смотри, – сказал он (Федор Константинович. – *А. Д.*). – Какая прелесть!“ По темному бархату медленно скользила брошка с тремя рубинами... Она (*Зина. – А. Д.*) улыбнулась, приоткрыв губы, глядя вверх. „Сегодня?“ – спросил он, тоже глядя вверх» [2]. Подобная работа автора над деталями дает возможность читателю почувствовать всепоглощающую, но еще не вырвавшуюся наружу страсть, угадываемую всего лишь по нескольким словам. «И за все это, за жар щек, за двенадцать пар тонких ребер, за пушок вдоль спины, за дымок души, за глуховатый голос, за ролики и за серый денек, за то неизвестное, что сейчас подумала, неизвестно на что посмотревши с моста... Мешок рубинов, ведро крови – все что угодно...» [2]. Здесь уже рубины, используются автором для демонстрации преобладания инстинктов над разумом. Это захлебнувшаяся рубиновой кровью страсть.

В заключении хотелось бы отметить широкую степень распространенности поэтики аксессуара в творчестве В. В. Набокова. Она требует

более подробного изучения, нежели позволяют рамки нашей работы. Цель использования данной поэтики мы видим в необходимости демонстрации многогранности смысловых оттенков характеров и настроений набоковских персонажей. Помимо этого, автор прибегает к поэтике аксессуаров, чтобы донести до читателя замыслов и идей своих произведений.

Литература

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы: биограф. СПб., 2010.
2. *Набоков В. В.* Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстая. СПб., 1999–2000. Т. 4: 1935–1937: Приглашение на казнь; Дар; Рассказы. 2000.
3. *Набоков В. В.* Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстая. СПб., 1999–2000. Т. 5: 1938–1977: Волшебник; Solus Rex; Другие берега. 2000.
4. *Хеллер Л.* Дендизм, юмор, смех у В. Набокова // Журнал славистики. Т. 72: В. Набоков в зеркале XX в. 2000. № 3/4. С. 395–403.
5. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.

НОМИНАЦИИ БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XI–XVII ВВ.)

М. В. Дудник

Эволюция языка и, прежде всего, изменения в области лексики показывают нам, как менялось представление народа об окружающем его мире. История понятий, как история речевых актов, помогает нам проследить становление духовных и материальных ценностей языкового коллектива на протяжении многих столетий. Ранее «люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, – и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве» [1]. Литература же становится зеркалом народа, проводником к его культуре.

Для анализа мы взяли номинации *богатство* и *бедность* (а также производящие их прилагательные), которые сейчас используются для обозначения противоположных явлений. Ответа требуют следующие вопросы: какие лексико-семантические варианты (ЛСВ) номинаций *богатство* и *бедность* представлены в литературе донационального периода русского языка? как изменялись ЛСВ номинаций *богатство* и *бедность* в донациональном периоде русского языка? есть ли взаимо-